

На вопросы нашего корреспондента Е. Скульской отвечает известный поэт-сатирик, пародист, ведущий популярной телевизионной передачи «Вокруг смеха» АЛЕКСАНДР ИВАНОВ.

КОРР. Александр Александрович, жанр пародии определяют по-разному, но чаще всего, как «передразнивание», комическое подражание. Верно ли это? А, может быть, в каком-то смысле пародия — просто зеркало своего рода, не кривое, не искажающее, не превращающее в нелепость, но запечатляющее характернейшие черты литературного процесса?

А. ИВАНОВ. Я бы сказал еще проще: какая литература, такая и пародия. Откройте сборник классика советской пародии Александра Архангельского, и вы сразу почувствуете, в какое счастливое поэтическое время он жил. Вы сразу узнаете могучие таланты и яркие индивидуальности — Владимира Маяковского, Бориса Пастернака, Михаила Светлова, которыми Архангельский восхищался, которых любил, подшучивая, перевоплощаясь и, в конечном счете, открывая читателю важнейшие особенности их характера и стиля.

Я не случайно вспомнил сейчас Архангельского. В последнее время в критике стало общим местом попрекать меня его уроками. Ему не приходилось цитировать в эпиграфах строки поэтов, которых он пародировал, они и так были у всех на слуху. Меня же обвиняют в том, что вместо того, чтобы пародировать индивидуальный стиль, я высмеиваю отдельные неудачные строки и строфы.

Что ж, и мне повезло

лось пародировать поэтов, которых я люблю, чей приход в литературу был событием, был открытием новой страницы поэзии. Ахмадулину, Вознесенского, Евтушенко, Окуджаву... Их можно было исследовать, следуя за ними с доброй улыбкой. Однако, в последние годы у меня все чаще появляется желание не улыбаться, а отхлестывать. Количество поэтов растет, а количество ярких индивидуальностей почти не увеличивается. И слишком узок стал бы круг моих пародий, если бы я обращался все к тем же именам. А «средний» поэт и пишет средне, как все, его не узнать ни по стилю, ни по теме, вот и приходится его цитировать, чтобы читатель знал, с чем он имеет дело.

КОРР. В Англии считается, что писатель становится знаменитым, когда на него появляется карикатура в журнале «Панч». Без преувеличения можно сказать, что у нас не меньшую известность приносит поэту ваша пародия. Однако, как вы сами сейчас признали, вы все чаще обращаетесь к творчеству авторов, чьи книги нуждаются в забвении, а не в популяризации. Высмеивая нелепости в их стихах, не создаете ли вы им известность одновременно?

А. ИВАНОВ. Вы ошибаетесь, имена этих поэтов забываются после первого же взрыва смеха, зато слушатель или читатель обращает внимание на явление, с которым я пытаюсь бороться. И

НЕ СКРЫВАЯ ЛИЦА

смысл этой борьбы в том, чтобы отделить поэзию от ее ремесленной имитации.

Сделать это все труднее, сотни тысяч людей пишат сейчас стихи, легко овладевая элементарными навыками создания всевозможных ямбов, хореев и даже верлибров. В самом этом явлении нет беды, оно даже признак возросшей культуры населения. Беда в том, что графомана тянет к славе, к признанию, и он осаждаст издательства.

В редакции одного московского журнала мне сказали, что получают ежемесячно 150—200 килограммов стихов. Это была не шутка, а констатация факта, стихи пересчитывались на вес, ибо таково было их качество. А между тем часть из них, и не малая, прошла в печать. Редакторская плотина не устояла перед бурным валом. Крити-

ка постоянно сетует на эти прорехи в плотине, но одних сетований бывает недостаточно. И тут приходит на помощь смех, разоблачающий литературную несостоятельность.

Я слишком люблю литературу, чтобы мириться в ней с серостью, бескультурьем, со всем, что обедняет и усредняет нашу поэзию.

КОРР. Александр Александрович, вы сейчас вели речь о графоманстве, то есть о том, что фактически находится за пределами собственно литературы. Но ведь цель пародии — не только отсев, не только отделение зерен от плевел. В поэтическом процессе есть проблемы куда более сложные, глубинные, требующие от писателя решения, ясной позиции. И это тоже — в традициях русской сатирической поэзии.

Вспомним, «Арзамасцы»

выступали против архаистов, против шишковской «Беседы любителей русского слова». «Искровцы» высмеивали апологетов «чистого искусства». Перо А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых разило литературное эпигонство. Как бы вы определили своего литературного противника?

А. ИВАНОВ. Мне легче определить от обратного. Назвать те требования, которые я предъявляю к себе и другим. У поэта должна быть четкая позиция — и литературная, и гражданская, и человеческая. По его стихам должно быть ясно, что он безусловно любит, что бесслучно ненавидит, тогда и к нему самому можно испытывать сильные чувства. И еще — поэт должен иметь право на свои слова, на свои восклицания, декларации, призывы. А право это можно заслужить только жизнью, соответствующей творчеству.

Такою жизнью, убежден, живет Булат Окуджава, почти неотделимый от своего лирического героя, органически не принимающего подлость и ложь. Таким представляется мне Давид Самойлов, чьи стихи содержат неизъяснимую тайну прекрасного при кажущейся легкости их и простоте. Таковую жизнь прожил Владимир Высоцкий, он воспел в нашем поколении и героическое, и драматическое, и смешное. Недаром на его могиле до сих пор каждый день появляются свежие цветы.

Теперь вы можете легко представить себе портрет моего противника. Сидя в комфортабельной городской квартире, он тоскует по курной избе и лаптям. Абсолютно благополучно и деловито ор-

ганизовав свою жизнь, все сетует на невзгоды и трудности. Впрочем, читайте мои пародии — там об этом сказано гораздо подробнее.

КОРР. Александр Александрович, а как вы относитесь к эстраде, которая требует от вас постоянного и неизменного острословия? К залу, который словно оставляет вам только паузы между обязательными взрывами смеха?

А. ИВАНОВ. Конечно, пародия не всегда может быть смешной и веселой, она иногда грустна и даже горька. Эстрада же, действительно, ждет остроумия, зал — смеха. И все-таки, не думаю, что выступления перед огромной аудиторией, а если говорить о передаче «Вокруг смеха», то речь пойдет о миллионах зрителей, как-то сужают мои возможности. Я чувствую живой отклик, я понимаю, что волнует людей, что им интересно, что для них важно именно сегодня, и не то чтобы стараюсь подстроиться под слушателя, но узнаю, за что его нужно уважать, чем с ним нужно делиться, что нужно ему доверить. А потом... мне просто нравится выступать.

КОРР. Выходя на сцену, вы неизменно надеваете маску безстрастности и невозмутимости. Почему?

А. ИВАНОВ. О, это произошло совершенно случайно. Когда я впервые в жизни вышел на сцену, я просто остолбенел от страха и неуверенности. Волнение с годами несколько улеглось, а маска, к которой все уже привыкли, осталась. Но ведь это — только манера читать, а сами мои пародии, надеюсь, никогда не скрывают моего лица...

Фото Ф. Ключика.